

«Я — ПОЭТ. НО БЕЗ РОССИИ Я — НИЧТО»

(25 ЯНВАРЯ - 55 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Вл. ВЫСОЦКОГО)

Не намного превысил Владимир Высоцкий намеченную им же роковую дату своей смерти — тридцать семь лет. Теперь же **вот** уже в течение 12 лет мы говорим: ему могло бы быть... 25 января ему могло быть 55 лет. Но, *как всякий* настоящий мастер, Владимир Высоцкий находится вне временных границ, и не важно, сколько он прожил, сколько ему было бы сейчас. Главное — его жизнь продолжается в сердцах тех, кто любил и понимал Поэта с большой буквы еще при его жизни, кто неравнодушен к судьбе русской культуры, кто просто в любой ситуации, в любое время остается честным человеком.

«Бег на месте общепримирующий»

Ни одна студенческая пирушка в 60 — 70-е годы не обходилась без песен Владимира Высоцкого. Мороз пробирал по Коже от его «Коней привередливых», Сплетничали по поводу взаимоотношений поэта с Мариной Влади, слушая песню о телефонистке Люсе, пели под гитару об ученых и доцентах с кандидатами, забывших, что «разлагается картофель на полях», увлеченно слушали песню-сказку о «диком вепре огромном». с трудом разбирали слова с некачественных магнитофонных записей о похоронах, на которые «съехались вампиры», о лукоморье, которого больше нет, об обманутой и раздетой правде. Но знали ли мы тогда, понимали Высоцкого? Вряд ли. И все-таки осознание глубины его таких разных песен произошло именно на вечеринке. С заигранной пластинки раздалась популярная в то время «Гимнастика»:

Не страшны дурные весте.

Начинаем бег на месте —

В выигрыше даже начинающий...

По привычке все вышли в круг, не столько танцуя, сколько дурачась, выполняя предлагаемые поэтом упражнения:

...красота среди бегущих —

Первых нет и отстающих.

Бег на месте общепримирующий...

Остановились как-то все разом, почувствовав что-то неладное. Пластинка продолжала крутиться, но мы уже ничего не слышали и не слушали, внезапно поняв, что песня Высоцкого вовсе не о гимнастике, вовсе не веселая и разухабистая, а о нашей, как теперь говорят, застойной жизни.

Еще более в серьезности поэзии Владимира Высоцкого мы убедились, ПО-

бывав в 75-М ИЛИ 76-м году на его концертах в одном из сибирских городов. Впервые мы узнали тогда, что он «не сидел», не воевал, не собирался уезжать из России. «Я не люблю легких песен, — предупредил он сразу зрителей, переполнивших драматической театр, где проходил концерт. — Я не люблю, чтобы на моих к концертах люди отдыхали. Я хочу, чтобы моя публика работала вместе со мной, чтобы она творила. Наверное, так установилась моя манера. Моя песня — эта почти крик».

И это, действительно, был не концерт, а крик души, души смятенной, борющейся, не сломленной. Не секрет, кое-кто остался разочарован, не услышав «блатных», «уличных» и других «развлекающих» песен. Но большинство были просто потрясены, когда услышали:

Сколько веры и лесу повалено,

Сколько изведено горя и травм...

Или:

Во мне два «Я», два полюса планеты.

Два разных человека, два врага.

Когда один стремится на балеты,

Другой стремится прямо на бега.

Потом была встреча Владимира Высоцкого с местными журналистами, сносились песни, его неторопливый рассказ о себе. Нет, мы не чувствовали, что перед нами великий человек, с нами сидел, нам пел и рассказывал «свой в доску парень», очень раскованный, очень понятный всем.

Я не собираю автографов и об этом не задала единственный раз, услышав летом 1980 года о внезапной смерти В. Высоцкого. *

